

История журналистики и литературной критики

УДК 82.09

DOI: 10.28995/2686-7249-2020-6-12-25

Роман В.С. Гроссмана «Жизнь и судьба» в оценке консервативной отечественной критики 1980-х гг.

Юрий Г. Бит-Юнан

*Российский государственный гуманитарный университет,
Москва, Россия, bityunan@gmail.com*

Аннотация. В статье анализируется характер восприятия романа В.С. Гроссмана «Жизнь и судьба» в консервативной советской прессе конца 1980-х гг. Автор демонстрирует, что большинство отзывов были опубликованы в двух охранительных журналах «Наш современник» и «Молодая гвардия» и носило отрицательный характер. Практически все замечания были вызваны этнической проблематикой романа, отношение к которой со стороны автора свидетельствовало, по мнению критиков, о его русофобских взглядах. При этом содержание, как правило, не учитывалось, что свидетельствует о предвзятости рецензентов.

Ключевые слова: В.С. Гроссман, «Жизнь и судьба», «Наш современник», «Молодая гвардия», консервативная критика, публицистика, антисемитизм, русофобия

Для цитирования: Бит-Юнан Ю.Г. Роман В.С. Гроссмана «Жизнь и судьба» в оценке консервативной отечественной критики 1980-х гг. // Вестник РГГУ. Серия «Литературоведение. Языкознание. Культурология». 2020. № 6. С. 12–25. DOI: 10.28995/2686-7249-2020-6-12-25

V. Grossman's novel "Life and Fate" reviewed by conservative Soviet critics in the 1980s

Yury G. Bit-Yunan

*Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia,
bityunan@gmail.com*

Abstract. This work focuses on the specific features of the reception of V. Grossman's novel "Life and Fate" in conservative Soviet press of the late 1980s. It is noted that most of the reviews appeared in two conservative journals:

© Бит-Юнан Ю.Г., 2020

“Nash sovremennik” (“Our Contemporary”) and “Molodaya gvardiya” (“The Young Guard”). All the articles contained copious critical remarks which, in their turn, were all caused by the ethnic problems highlighted in the novel. The author’s attitude to those issues was usually qualified by the critics as being Russophobic and once the accusation was made, the plot of the novel would be neglected, which testifies to the fact of all the reviewers being biased.

Keywords: V. Grossman, “Life and Fate”, “Nash sovremennik”, “Molodaya gvardiya”, conservative criticism, political essays, antisemitism, Russophobia

For citation: Bit-Yunan, Y.G. (2020), “V. Grossman’s novel “Life and Fate” reviewed by conservative Soviet critics in the 1980s”, *RSUH/RGGU Bulletin. “Literary Theory. Linguistics. Cultural Studies” Series*, no. 6, pp. 12–25, DOI: 10.28995/2686-7249-2020-6-12-25

История «Жизни и судьбы» В.С. Гроссмана сама по себе напоминает сюжет авантюрного произведения. Признанный антисоветским и запрещенный к публикации в СССР, роман был конфискован у автора и только через 16 лет после его смерти опубликован за границей. В середине 1980-х гг. в западном мире он уже считался литературной сенсацией¹. Его переводы выходили фантастическими тиражами². Критики русского зарубежья, считавшие А.И. Солженицына наиболее влиятельным писателем современности, сравнивали его теперь с Гроссманом³.

Не меньшим был успех «Жизни и судьбы» и в СССР. Опубликованный в начале 1988 г., роман начал активно рецензироваться: появлялись критические статьи, издавались различные архивные документы и мемуары, проводились круглые столы, о книге говорили на писательских собраниях⁴. В том же году вышло первое

¹См.: *Войнович В.Н.* Жизнь и судьба Василия Гроссмана и его романа // Посев. 1984. № 11. С. 53–55.

²См.: *Эткинд Е.Г.* Жизнь и судьба книги // Время и мы. 1988. № 101. С. 198–203.

³См.: *Свирицкий Г.Ц.* Восемь минут свободы // Грани. 1985. № 136. С. 295–305.

⁴См., например: *Бочаров А.Г.* Правое дело Василия Гроссмана // Октябрь. 1988. № 1. С. 128–134; *Аннинский Л.А.* Мирозданье Василия Гроссмана // Дружба народов. 1988. № 10. С. 253–263; *Василий Гроссман: жизнь и судьба: Публикация архивных материалов, предоставленных дочерью писателя Е.В. Коротковой-Гроссман / Публ. Е.В. Коротковой-Гроссман // Литературная газета.* 1988, 2 марта; *Липкин С.И.* Истинные поэты всегда пророки // Вечерняя Москва. 1988. 23 июля.

книжное издание, где были восстановлены некоторые журнальные купюры. На следующий год – второе, еще более полное.

Советский классик Гроссман теперь стал просто классиком отечественной литературы – наряду с великими авторами XIX и XX вв. Статьи и монографии отечественных и зарубежных исследователей, а также вузовские учебники закрепили за ним этот статус [Бочаров 1990; Ланин 1997; Лейдерман, Липовецкий 2003; Ellis 1994; Garrard J., Garrard C. 1996; Anissimov 2012].

Тем не менее «Жизнь и судьба» была опубликована еще до распада СССР, когда определенные идеологические ограничения еще сохранялись. Поэтому далеко не все критики отнеслись к появлению некогда крамольного романа благодушно. В потоке положительных отзывов появлялись и отрицательные. Некоторые из них упоминаются в монографии Д.О. Клинг «Творчество Василия Гроссмана в контексте литературной критики» [Клинг 2012, с. 126–128]. Цель данной статьи – систематизировать и прокомментировать эти отзывы, а также определить, на что были направлены инвективы рецензентов.

* * *

Дискуссия о романе началась еще до завершения его публикации. С 1 по 2 марта 1988 г. в Москве проходил пленум правления СП СССР. 9 марта «Литературная газета» напечатала доклады участников⁵. Единственной, кто упомянул Гроссмана, причем в негативном контексте, была советский прозаик М.А. Ганина (1927–2005).

В начале своего выступления она не без гордости отметила, что никогда не позволяла себе отправиться в какую-либо из союзных республик, не выучив предварительно нескольких фраз на местном языке. Эта преамбула потребовалась ей, чтобы упредить несправедливые замечания в адрес русских людей, от лица которых она говорила. Ведь недовольства русскими, уверена Ганина, в последнее время все больше и больше.

Так, незадолго до пленума она получила от одного грузинского писателя пространное письмо, в котором тот жаловался, что основным языком Грузии намереваются сделать русский язык. И в этом он обвинял русских людей. Его реакция, впрочем, ее ничуть не удивила: «С каждым годом доходят вести из республик: уменьшается количество детских садов и школ на национальном языке. Язык – это кровь народа, где генетически записаны его история и культура»⁶, – соглашается Ганина.

⁵ Ганина М.А. [Выступление на Пленуме правления СП СССР 2 марта 1988 г.] // Литературная газета. 1988. 9 марта.

⁶ Там же.

Но ее возмущают обвинения именно против русских: «Однако суть этой преступной игры преподносится людям: вот русские негодяи хотят, чтобы вы поменяли национальное лицо, обрусели. Возможно, некие чиновные русские в том и повинны, однако главная вина, на мой взгляд, лежит все-таки на “национальных” чиновных негодяях, предвосхищающих желания “сверху”», – снимает Ганина ответственность даже с «чиновных» русских и возлагает ее на чиновных «национальных».

Такой прием был, впрочем, предсказуем. И прецедентов, подтверждавших логику Ганиной, нашлось бы немало. Однако следующий поворот мысли крайне своеобразен и труднопредсказуем.

Если бы «грузинский язык либо литовский, узбекский стали вместо русского государственным, главным языком», рассуждает Ганина, то ее «“великорусское самолюбие” от этого нимало не пострадало бы». Более того, это бы пошло русскому языку на пользу. Оказавшись на месте принужденного изучать иностранный язык, выступавшая освоила бы «пятьсот слов и необходимую грамматику», а затем – «много утешилась бы мыслью, что зато мой родной русский язык сделался бы наконец заповедной зоной и стал бы вновь первозданно чистым, как чисты, допустим, и ныне грузинский, армянский языки».

Иначе говоря, необходимость учить чужеродный язык благотворна для языка материнского, поскольку защищает последний от тривиализации. Мысль, близкая к шовинистической. По меньшей мере – оскорбительная, если учесть, что русский язык учили и узбеки, и армяне, и грузины, и калмыки. Учили – и, как следует из выступления Ганиной, упрощали и обедняли.

Таким путем Ганина добралась до романа «Жизнь и судьба». В нем – не все благополучно. Есть, безусловно, и замечательные описания жизни военного Сталинграда, и философские рассуждения о том, что допустимо или недопустимо с целью сплочения нации. И все же некоторые эпизоды натолкнули Ганину на неприятные размышления: «Однако, перечитав лагерные сцены, я отметила, что политические у Гроссмана – главным образом евреи. Они отнюдь не идеализированы со своими ошибками, заблуждениями, слабостями. Зато уголовники – негодяи, держащие барак в страхе, казнящие ночами неугодных, русские».

Впрочем, вынести обвинительный приговор Ганина не решилась – смягчила тон: «Конечно, автора можно понять: когда у тебя разможена кость, то кажется, что эта боль – единственная в мире».

Под «разможенной костью», очевидно, подразумевалась реакция Гроссмана на еврейскую катастрофу XX в. Но в таком случае этичным это сравнение точно не назовешь. Все же речь об убийстве

сотен тысяч людей, которые тем только провинились, что родились евреями. Кроме этого, получается, были те, кто крепче духом, кто сохранил самообладание и способность видеть общее, а не частное. И они тех, кто с «разможенной костью», прощают.

Все же Ганина, желай она оставаться вполне честной, должна была бы отметить среди политических заключенных Крымова, Абарчука, Долгорукого, Степанова и многих других. Наставником Абарчука, кстати, был Магар, еврей. А ученик его – украинец. Ситуация вполне интернациональная, в духе советской эпохи. Кстати, и полковник Новиков, которого тоже в иудеи не запишешь, перестанет быть полковником и окажется в лагере за то, что задержал наступление танкового корпуса на восемь минут. О том же, что среди евреев были беспринципные и подлые, стремившиеся только к выживанию и собственной выгоде, Гроссман писал открыто.

Продолжил критику романа А.И. Казинцев (р. в 1953 г.), обозреватель «Нашего современника». Его пространный отзыв назывался «История – объединяющая или разобщающая»⁷.

Анализу «Жизни и судьбы» отведена приблизительно половина статьи. Более того, этот раздел удостоился отдельного заглавия с вопросительным знаком – «“Война и мир” XX века?». Оно ясно свидетельствовало об отношении критика к рецензируемой книге.

Казинцев начинает издали. Он сомневается в справедливости той оценки, которую дали роману А.Г. Бочаров и И.П. Золотуский⁸. Они, по его словам, произвели «Жизнь и судьбу» в высший литературный чин: назвали книгу эпопеей и уподобили «Войне и миру». Однако, «если бы утверждения критиков соответствовали действительности, можно было бы смело сказать, что роману суждено сыграть ключевую роль в духовном единении народа, столь необходимым и желанном сегодня»⁹, – заявляет Казинцев. И форма этого заявления, безусловно, указывает на то, что роман Гроссмана станет поводом к дальнейшему разобщению советского общества. Ведь сказано: «История – объединяющая или разобщающая». Третьего не дано.

Далее, ссылаясь на собственную статью в «Вопросах литературы»¹⁰, Казинцев рассуждает об образе русского человека

⁷ Казинцев А.И. История – объединяющая или разобщающая // Наш современник. 1988. № 11. С. 163–184.

⁸ См.: Бочаров А.Г. Болевые зоны // Октябрь. 1988. № 2. С. 104–109; Золотуский И.П. Война и свобода // Литературная газета. 1988. 8 июня.

⁹ Казинцев А.И. Указ. соч. С. 173–184.

¹⁰ Казинцев А.И. «Я наблюдал, боготворя...» (К проблеме: художник и народ в поэзии середины века) // Вопросы литературы. 1983. № 9. С. 63–80.

в отечественной литературе XIX и XX вв. и приходит к выводу, что «эпической по своей сути формуле “человек – народ”» Гроссман «противопоставляет формулу “отдельный человек”».

Следовательно, Гроссман нарушает одно из базовых установлений русской культуры. И русской литературы – в частности. Однако на этом Казинцев не останавливается – он хочет присмотреться к отдельному человеку в «Жизни и судьбе».

Эта задача, впрочем, сложнее, чем ожидалось: «Смысл, вкладываемый писателем в понятие “отдельный человек”, оказывается неоднозначным. Образ такого человека – многоликим».

Для подтверждения тезиса Казинцев обращается к трем сценам: Людмила Шапошникова на могиле сына, разговор ученых в Казани и прощальное письмо матери Штрума.

О первой сцене Казинцев пишет с восторгом: «Сцена на кладбище – эмоциональная и художественная вершина весьма неровно написанного романа. Скажу больше, эти страницы – одни из самых запоминающихся в литературе о войне». И даже вновь упрекает своих оппонентов Бочарова и Золотусского – теперь уже за то, что они не обратили внимания читателя на этот фрагмент: «Думаю, подобное стремление критиков свести все к “болевым точкам” (А. Бочаров), к разрешенной “злобе дня” свидетельствует о небрежении идеями, наиболее дорогими для самого автора. Именно во вселенской печали матери гуманизм Гроссмана проявляется наиболее впечатляюще».

Самоуверенность Казинцева озадачивает. И дело даже не в том, что статья Бочарова называлась «Болевые зоны», а не «болевы́е точки», а в том, что в отличие от него, выпустившего еще в 1970 г. монографию о Гроссмане, Казинцев точно знает, что Гроссману было важно, а что – нет.

Казинцев продолжает: «Быть может, на миг, но каждый поймет ее безмолвный язык. Ибо она выше языковых барьеров, выше всевозможных анкет, определяющих национальность, происхождение и множество других данных, не существенных в эту минуту. Всего на миг – но ведь и это немало – каждый примет безумную, но праведную логику скорбящей матери: “Скажи ей кто-нибудь, что кончилась война, – пишет В. Гроссман, – она бы не шевельнулась”. И еще: “Стоят ли все люди, сколько их есть, молодой крови, которой куплена эта радость” (радость замаячившей победы над фашизмом. – А. К.)».

Однако, оказывается, и эта сцена не идеальна. Материнское горе, пусть и понятное любому читателю, имеет эгоистическую природу. Следовательно, скорбящая женщина – не со своим народом: «Потом вступает в свои права привычная логика. Приходят

возражения, бесспорные и неотразимые. Хотя бы то, что для тысяч и миллионов матерей, для всего человечества радость победы и срок ее были отнюдь не отвлеченными понятиями, меркнувшими перед единичной смертью. Ведь от того, раньше или позже закончится война, зависело, придется ли и этим матерям плакать на свежих могилах».

Но уж вовсе непростительна та форма эгоизма, которая свойственна интеллектуалам. Весь отдел, которым руководил физик Штрум, эвакуировали в Казань. Иногда он заходит к своему коллеге Соколову, у которого за столом собираются их общие знакомые. Разговоры – на самые разные темы. Однажды местный ученый, татарин по фамилии Мадьяров, заводит речь о том, каково это – быть нацменом в СССР. Казинцев так комментирует эту сцену: «В основе многословной тирады Мадьярова короткая, пронзительная, как вскрик, фраза: “Все мы прежде всего люди, понимаете ли, люди, люди, люди”. И пояснение: “А потом уж... архиереи, русские, лавочники, татары...”», – и тут же критик добавляет саркастическое замечание: «Вот еще один ликgrossмановского “отдельного человека”. Он, как в какой-то причудливой игре, складывается из отрицаний: без национальности, без профессии, без социального статуса».

Впрочем, сарказм почти сразу сменяется негодованием. После того, как высказался Мадьяров, напоминает нам рецензент, Каримов, тоже татарин, критикует Достоевского: «Я нацмен, я татарин, я родился в России, я не прощаю русскому писателю его ненависти к полячишкам, жиридишкам». Казинцев тут же ловит Мадьярова и Каримова (на самом деле, конечно, – Гроссмана) за руку и указывает на логическое противоречие: коль скоро им принципиально оставаться в первую очередь людьми, то почему же татарин чуть ли не кричит, что он татарин, а затем «вершит суд над одним из лучших русских писателей»?

Тут можно бы возразить, что если еврею или поляку постоянно напоминать об их национальной принадлежности, то они это вряд ли одобряют. Однако Казинцев этого аргумента не предусматривает. Обвинение уже сформулировано: «Да это же не высший гуманизм – обычная, хорошо знакомая русофобия...»

На возможных интерпретациях этого понятия – «русофобия» – и строятся все дальнейшие рассуждения критика. В том числе посвященные прощальному письму матери Штрума. Последние слова обреченной женщины, сказанные своему единственному сыну, не могут не тронуть читателя. В этом Казинцев не сомневается. Однако и этот фрагмент – разобщающий. Ведь здесь не просто мать прощается с сыном: «Здесь говорится о “людях одной

судьбы”», – т. е. о евреях. И они вновь, по наблюдению рецензента, будто противопоставлены всем другим народам. Русским в том числе.

По мнению Казинцева, духом конфронтации проникнуты не только эти сцены. Чуть ли не весь роман построен по принципу разобщения и противопоставления. И главный метод – всегда русофобия. Так, по-руссофобски изображены в романе те, кто называют себя патриотами. В частности, генерал Неудобнов. Казинцев напоминает читателю о словах Неудобнова, что в предвоенное и военное время «большевик прежде всего – русский патриот». И тут же отмечает, что Гроссману генерал крайне антипатичен: «...тут же выдается ему соответствующая характеристика: “Странный он был человек... что бы ни случилось в пути... Неудобнов оживлялся, говорил: – Фамилию, фамилию запишите, генеральный вредитель, посадить его надо, мерзавца”».

Русофобская интонация не маскируется и при повествовании о предателях. В одном из нацистских лагерей нам встречается некий Павлюков. «Это уж точно русак – “широконосый, широколобый, настоящий сын народа”», – характеризует его Казинцев.

Павлюков – в растерянности, он не знает, что ему делать, если даже он и выйдет на свободу: «Некуда мне податься, только в добровольческое формирование...», – приводит цитату из романа критик и тут же поясняет в скобках: «(к Власову, иначе говоря. – А. К.)».

Обвинение это сильное. Но главное – справедливое. Павлюков действительно производит неприятное впечатление. Придется с Казинцевым согласиться. Однако не менее неприятен он самому Гроссману. Он предателя Павлюкова вовсе не намеревался оправдывать. Следуя норме справедливости, Гроссман объяснил, отчего Павлюков так рассержен на советскую власть: «Я вообще не кулак, – сказал Павлюков, – не вкалывал на лесозаготовках, а на коммунистов все равно обижен. Нет вольного хода. Этого не сей, на этой не женись, эта работа не твоя. Человек становится как попка. Мне хотелось с детских лет магазин свой открыть, чтобы всякий в нем все мог купить. При магазине закусочная... Скажи я такое дело, меня бы сразу в Сибирь. А я вот думаю, в чем особый вред для народа в таком деле? Я цены назначу вдвое ниже против государства». Однако его собеседник, бывший меньшевик Чернецов, его отнюдь не поддерживает. Узнав, что Павлюков собирается к Власову, он заявляет, что это «бесчестно, неблагородно, нехорошо», поскольку сейчас «не время счеты сводить, не так их сводят». И добавляет: «Нехорошо перед самим собой, перед своей землей»¹¹.

¹¹ Гроссман В.С. Жизнь и судьба // Октябрь. 1988. № 2. С. 61–62.

Но эти слова в рецензию Казинцева не вошли. И неудивительно: они бы существенно ослабили его аргументацию. Пришлось бы признать, что Гроссман далек от стремления записать всех русских в предатели.

Впрочем, сделать такую оговорку все равно пришлось – буквально несколькими строками ниже. Но и здесь нашлось место упреку: «Правда, в романе изображены и Новиков, и Ершов с их чистым, романтически возвышенным патриотизмом. Однако писатель не жалеет сил, чтобы показать – эти герои, вдохновляемые желанием служить Отечеству, обречены. Гроссман даже конструирует малоправдоподобную, совершенно не мотивированную сюжетно ситуацию – советские военнопленные добиваются, чтобы в партию смертников был включен Ершов. Патриотизм – внушает автор – становится реальной силой только в руках Неудобных».

Это замечание также не выглядит убедительным. Очевидно, что в большом двухтомном романе найдется достаточно персонажей с русскими фамилиями, которые если и пострадали, то не из-за того, что другой русский человек написал на них донос, а в первую очередь из-за того, что идет война. Более того, трудно не заметить, что многие из таких действующих лиц, далеких от еврейства, Гроссману искренне симпатичны.

И все же Казинцев пытается развивать свою мысль о русофобской основе книги и теперь уже обращается к главной, на его взгляд, проблеме – к интерпретации исторического пути России в «Жизни и судьбе».

«Тезис о том, что Россия не знает демократической традиции, настойчиво повторяется в романе», – утверждает Казинцев и тут же упоминает Чернецова, называвшего Россию «страной тысячелетнего рабства».

Обращается Казинцев и к беседам, которые ведутся в эвакуации: «“Русский человек, – утверждает Мадьяров, – за тысячу лет всего насмотрелся – и величия, и сверхвеличия, но одного он не увидел – демократии”».

Все подобные высказывания раздражают критика. Он решает отыскать контраргументы в истории России: «Истоки национального характера не только в немногословной суровой стойкости московских “служилых людей”, но и в динамичной предприимчивости новгородских и тверских купцов, дошедших до самой Индии, с легкостью осваивавших чужую речь, чужие обычаи (не отрекаясь от родных). Его истоки и в многоголосии новгородского веча. Неужели можно предположить, что такой незаурядный, значительный характер, как характер русского народа, может быть уныло одноцветен?»

Однако Гроссман никогда не говорил об «одноцветности» русского характера – он говорил об отсутствии политического выбора. И это не первый случай, когда Казинцев подменяет понятия.

Постепенно критик добирается до закономерной – в его логической системе – мысли, что «Жизнь и судьба» даже слабее романа «За правое дело». Безусловно, «как читатель» Казинцев приветствовал то, что «в “Жизни и судьбе” нет казенной парадности, окрасившей немало страниц первой части дилогии». В то же время «в новом романе непредставим и образ красноармейца Вавилова, человека “великого русского подвига, суровости и душевной силы”, как рекомендует его А. Бочаров». А раз так, заключает Казинцев, «у Гроссмана нет героя эпопей – народа». И по этой причине тоже сравнивать «Жизнь и судьбу» с «Войной и миром» неправомерно.

Гораздо более лаконично и куда более эмоционально высказал схожие инвективы в адрес Гроссмана С.В. Викулов (1922–2006), бывший в то время главным редактором журнала «Наш современник». Его выступление на декабрьском пленуме правления СП РСФСР «Перестройка и литература» было напечатано «Литературной Россией»¹².

Викулов заявил, что ряд изданий, среди которых – «Октябрь», «Юность», «Комсомольская правда» и «Советская культура», развернули настоящую кампанию против редколлегии «Нашего современника». Особенно непримирима, по его словам, была писатель и публицист Н.И. Ильина (1914–1994), опубликовавшая в «Огоньке» статью «Привидение, которое возвращается»¹³. Там, утверждал Викулов, «уже вся редколлегия “Нашего современника” подозревается в насаждении задач и целей, которые ставила перед собой “Российская фашистская партия”, состоявшая из белогвардейского эмигрантского отребья в Харбине в годы войны, и которую эмигрантка Ильина хорошо знала»¹⁴. Не отстает от нее, по словам Викулова, известный историк Н.Я. Эйдельман, который в интервью тому же изданию¹⁵ «чрезмерные жертвы в годы революции объясняет некультурностью и дикостью русского народа». А раззадоривают русофобов, настаивает Викулов, книги, подобные «Жизни и судьбе». Ведь это роман, «черной нитью через который проходит почти ничем не прикрытая враждебность

¹² См.: Викулов С.В. [Из выступления на пленуме Правления союза Писателей РСФСР] // Литературная Россия. 1988. 23 дек.

¹³ См.: Ильина Н.И. Привидение, которое возвращается // Огонек. 1988. № 42. С. 9–13.

¹⁴ Викулов С.В. Указ. соч.

¹⁵ См.: Эйдельман Н.Я. Оптимизм исторического знания // Огонек. 1988. № 44. С. 2–3; 28–29.

к русскому народу, – все это примеры одного ряда и красноречиво иллюстрируют то самое явление, название которому – русофобия...»

В начале 1989 г. эстафету по дискредитации Гроссмана и его романа принял журнал «Молодая гвардия», опубликовавший статью прозаика С.А. Лыкошина (1950–2006) «Другой истории не будет»¹⁶. Здесь претензии сформулированы более общо и, казалось бы, немного более деликатно. «Жизнь и судьбу» Лыкошин относит к произведениям «разоблачительным»¹⁷ и сетует, что появление таких книг «нашего неразборчивого читателя основательно подзапутало», а заодно сыграло на руку тем, «кто никак не хочет, чтобы о нашей недавней истории заговорили всерьез и обстоятельно».

Лыкошина раздражает, что Гроссман «занимает позицию третейского судьи» и ставит себя как бы над историей. И волнуют его не глобальные процессы, а участь отдельных людей, «войну переживающих своим особым образом, а именно – стремясь лишь выжить и сохраниться».

Далее эта мысль конкретизируется: «Концлагеря там – концлагеря здесь. Подонки советские – подонки немецкие. Сплошные страдания героев-одиночек в горниле мирового бесправия». А такие рассуждения далеки от истинного гуманизма, поскольку «нет разницы в сознании деспота и сознании себялюбца».

Обвинения же в русофобии – обязательная часть антигроссмановской программы – представлены здесь в несколько завуалированном виде и высказаны со снисходительной интонацией: «Однако в романе Василия Гроссмана есть горсточка правды. В той его части, где сказано о страданиях еврейского народа. Это высокая правда и боль неподдельная. Право, жаль, что не соединилась она с болью общей, переживанием за народную судьбу, в которую впечаталась и жизнь гибнущих в гетто евреев, и убитых в Сталинградской битве солдат, всех своих соотечественников спасавших».

Несколько иную тактику избрал поэт и публицист С.Ю. Куняев (род. в 1932 г.), сменивший в 1989 г. Викулова на посту главного редактора «Нашего современника». В июньском номере журнала он поместил статью «Палка о двух концах»¹⁸. Небольшая ее часть была отведена обсуждению «Жизни и судьбы».

Гроссман вновь оказался не прав, однако на этот раз в том, что осудил антисемитизм недостаточно глубоко, – пусть этой пробле-

¹⁶ См.: *Лыкошин С.А.* Другой истории не будет // *Молодая гвардия*. 1989. № 1. С. 272–276.

¹⁷ Там же. С. 273–274.

¹⁸ См.: *Куняев С.Ю.* Палка о двух концах // *Наш современник*. 1989. № 6. С. 156–166.

ме в романе и была отведена целая глава. Суждения Гроссмана «находятся на уровне пропагандистских статей об антисемитизме Бухарина, Ларина, Ярославского»¹⁹, иначе говоря, мало отличаются от «“ликбеза” середины 20-х годов». Истинная же проблема, или одна из истинных, согласно Куняеву, заключается в том, что сами евреи и питают антисемитские настроения среди неевреев.

Так, Куняев цитирует фрагмент из «Жизни и судьбы», в котором говорится, что «антисемитизм есть выражение бездарности, неспособности победить в равноправной жизненной борьбе, всюду – в науке, в торговле, в ремесле, в живописи»²⁰, и заключает с грустью: «Предлагается именно соперничество, а не сотрудничество». И естественно, что неевреи принимают этот вызов. Однако на их попытки соперничать «наклеивается ярлык антисемитизма». То есть антисемитизм – производная сионизма. И Гроссман, стало быть, сионист.

Впрочем, такая модель оправдания антисемитизма и осуждения сионистского движения использовалась задолго до Куняева. И прибегали к ней зачастую те, кто своей принадлежности к стану антисемитов не скрывал [см., например: Лакер 2000, с. 716–793].

Куняева поддержала его коллега, писатель Л.И. Беляева (род. в 1934 г.). Ее статья под вопросительным заглавием «И ложью лож поправ?» была опубликована в июльском номере «Нашего современника»²¹.

Если Куняев лишь намекал на то, что сионизм – форма этнического шовинизма, то Беляева заявила об этом открыто, доведя мысль до логического и риторического финала.

«Именно нацизм, фашизм увлекался возвеличиванием немецкой крови, утверждая особую талантливость своего “избранного” народа, а следовательно, и его особые права и особую мораль», – пишет Беляева. И уже в следующем абзаце читаем: «Те, кому откровения В. Гроссмана душевно близки, возможно, нисколько не удивятся отсутствию в его размышлениях серьезного, научно обоснованного понятия “сионизм”, тому, что еврейская нация представлена в них как бы в неких заоблачных высях, вне всяких ошибок и заблуждений, осиянная святостью и благочестием. Да что говорить – поразительный по своей откровенности “гимн крови”!»²².

¹⁹ См.: Куняев С.Ю. Палка о двух концах // Наш современник. 1989. № 6. С. 162.

²⁰ Там же.

²¹ См.: Беляева Л.И. И ложью лож поправ? // Наш современник. 1989. № 7. С. 159–165.

²² Там же. С. 165.

Развивать эту мысль было невозможно. Других замечаний Беляева или не имела, или решила не высказывать. Фактически на этом прекратилась и дискредитация романа «Жизнь и судьба» советской консервативной критикой.

* * *

Как отмечалось во вступлении, роман В.С. Гроссмана прошел большой путь. За время его редакционной оценки в 1960 г. в СССР и рецензирования в эмигрантской периодике в 1980-х гг. к нему высказывалось множество претензий, подчас разнонаправленных. Консервативная советская критика конца 1980-х гг. разнообразия форм и идей не предложила. Фактически все претензии относились исключительно к этнической проблематике романа и сводились к тому, что Гроссман уделяет избыточное внимание проявлениям бытового и государственного антисемитизма в СССР.

Подобные замечания высказывались достаточно резко, потому как, выделяя евреев в особую категорию, Гроссман, по мнению критиков, принижал достоинства русских людей. Его суждения о несвободе русского народа и традиционном в России пренебрежении к жизни простого человека квалифицировались как русофобские. При этом те фрагменты романа, которые опровергали бы подобное обвинение, в рассмотрение не принимались, что свидетельствует о политической ангажированности этих рецензий.

Дискредитация романа началась весной 1988 г. и продолжалась до середины лета 1989 г., после чего постепенно прекратилась. Наряду с этим снижалась и авторитетность охранительной прессы.

Литература

- Бочаров 1990 – *Бочаров А.Г.* Василий Гроссман: Жизнь, творчество, судьба. М.: Советский писатель, 1990.
- Клинг 2012 – *Клинг Д.О.* Творчество Василия Гроссмана в контексте литературной критики. М.: Дом-музей Марины Цветаевой, 2012.
- Лакер 2000 – *Лакер В.* История сионизма. М.: Крон-пресс, 2000.
- Ланин 1997 – *Ланин Б.А.* Идеи открытого общества в творчестве Василия Гроссмана. М.: Магистр, 1997.
- Лейдерман, Липовецкий 2003 – *Лейдерман Н.Л., Липовецкий М.Н.* Русская литература XX века (1950–1990-е годы): Учеб. пособие для студентов высших учебных заведений, обучающихся по направлению подготовки и специальности «Филология»: В 2 т. Т. 1: 1953–1968. М.: Академия, 2003.
- Anissimov 2012 – *Anissimov M.* Vassili Grossman: Un écrivain de combat. P.: Éd. du Seuil, cop., 2012.

- Ellis 1994 – *Ellis F. Vasiliy Grossman: The Genesis and Evolution of a Russian Heretic*. Oxford: Berg Publishers, 1994.
- Garrard, Garrard 1996 – *Garrard J., Garrard C. The bones of Berdichev: The life and fate of Vasily Grossman*. N. Y.: The Free Press, 1996.

References

- Anissimov, M. (2012), *Vassili Grossman: Un écrivain de combat* [Vasilii Grossman: a writer of war], Éd. du Seuil cop, Paris, France.
- Bocharov, A.G. (1990), *Vasilii Grossman: Zhizn', tvorchestvo, sud'ba* [Vassilii Grossman: Life, legacy, fate], Sovetsky Pisatel', Moscow, USSR.
- Ellis, F. (1994), *Vasilii Grossman: The Genesis and Evolution of a Russian Heretic*, Berg Publishers, Oxford, UK.
- Garrard, J. and Garrard, C. (1996), *The bones of Berdichev: The life and fate of Vasily Grossman*, The Free Press, New York, USA.
- Kling, D.O. (2012), *Tvorchestvo Vasiliya Grossmana v kontekste literaturnoy kritiki* [V. Grossman's legacy in the context of literary criticism], Dom-muzey Mariny Tsvetaevoi, Moscow, Russia.
- Lanin, B.A. (1997), *Idei otkrytogo obshchestva v tvorchestve Vasiliya Grossmana* [The ideas of open society in V. Grossman's legacy], Magistr, Moscow, Russia.
- Laqueur, W. (2000), *Istoriya sionizma* [A history of Zionism], Kron-press, Moscow, Russia.
- Leyderman, N.L. and Lypovetsky, M.N. (2003), *Russkaya literature XX veka (1950–1990-e gody): uchebnoe posobie dl'a studentov vysshykh uchebnykh zavedeniy, obuchayushchikhs'a po napravleniyu podgotovki i spetsialnosti "Filologiya". V 2 to-makh. Tom 1. 1953–1968* [Russian literature of the 20th century (1950s – 1990s). A coursebook for higher education students specializing in literature and languages. In 2 vols. Vol. 1. 1953–1968], Akademiya, Moscow, Russia.

Информация об авторе

Юрий Г. Бит-Юнан, кандидат филологических наук, Российский государственный гуманитарный университет, Москва, Россия; 125993, Россия, Москва, Миусская пл., д. 6; bityunan@gmail.com

Information about the author

Yury G. Bit-Yunan, Cand. of Sci. (Philology), Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia; bld. 6, Miusskaya Sq., Moscow, Russia, 125993; bityunan@gmail.com